

Рисунок М. ЧЕРЕМНЫХ.

— И давно вы, товарищ Петров, дружите с товарищем Петренко!
— Давно... Уже триста лет.

Ж Р О Ж О Д И Л

БРАТЯ ПЕРВОМАИ

...Первомай был выслежен в последние дни апреля в одном из рабочих кварталов Нью-Йорка. Схваченный агентами, он был приведен в сенатскую комиссию по расследованию антиамериканской деятельности.

Вот протокол допроса:

- Назовите ваше имя.
- Первомай.
- Это ваша советская кличка. А ваше настоящее имя?
- Уверю вас, сенатор, это — моё настоящее американское имя.
- Ха-ха! Мистер Первомай?
- Да, для вас мистер Первомай.
- А не то-ва-рищ ли Первомай?
- Да, для друзей товарищ.
- Ну, вот. Значит, вы признаёте, что вы русский?
- Нет, сенатор, не признаю. Я американец.
- В таком случае вы советский агент?
- Нет, я не советский агент.
- Кто же вы?
- Я сказал: американец, американский патриот.
- Ложь! Когда и как вы прибыли из России?
- Сенатор, я не приезжал из России. Я здешний.
- Где вы родились, сколько вам лет?
- Я родился в Сан-Луисе. Мне 66 лет.
- Вздор! Вы выглядите, как юноша. Говорите правду.
- Я говорю только правду. Я родился в 1888 году. Мне 66 лет, но я всегда молод.
- Сказки! Кто ваши родители?
- По документам, моя мать — Американская федерация труда, но...
- Спаси нас, господь, и помилуй! Вы клевете на почтенную женщину, преданность которой нам и верность капитализму хорошо известны. Вы серьёзно утверждаете, что вы законный сын Американской федерации труда?
- Относительно законности я ничего не скажу. Матушка никогда не отличалась строгой моралью. Но факт остаётся фактом. Можете справиться в архивах полиции.
- Неслыханно! Такая консервативная дама — мать Первомай. Это позор. Это нечестивая игра природы.
- Скорее, сенатор, это ирония историй. Не будем слишком строго судить старуху. Это не самый большой позор в её жизни, скорее, случайный грех её юности. Своим подлинным родителем я считаю только рабочий класс США.
- Неужели ваша названная мамаша не пыталась искупить свой грех, например, задушить вас в колыбели?
- Пыталась, сенатор. Многократно. И в колыбели и позже. Но не вышло. И не выйдет.
- Молчите. Отвечайте на вопросы. Так вы утверждаете, что вас не ввезли в США из-за границы?
- Нет, конечно. Но если вам угодно так выражаться, меня, наоборот, вывезли из США в Европу. В 1889 году Первомай, мой родной брат, появился во Франции, потом в Англии, Германии, во всей Западной Европе...
- А в России? Так вы и не были в России?
- В России был тогда царь Александр III. Он очень испугался, когда узнал о братьях Первомайх. Он тщательно отгородил Россию от проникновения республиканских, демократических и социалистических идей, в частности американских. Он наводнил страну шпионами и жандармами, утыкал виселицами...
- Вы ещё скажете нам, что он завёл своего сенатора Маккарти?
- Именно. Имя вашего предшественника в царской России — Победоносцев.
- Хорошее имя. Он принёс победу царизму?
- Нет, сенатор. Он принёс ему тяжёлое поражение. Жандармы думали, как вы, что Первомай прибывает из-за границы, что Первомай — иностранец. А русский Первомай родился в самой России. Царизм пытался задушить его, но...
- Замолчите! Разговор с вами окончен.
- Нет, сенатор, ещё не окончен. Вы сами видите, как расстроились Первомай по всему земному шару. В каждой стране есть свой Первомай. Они образуют великую дружную семью...
- Молчать! Ни слова больше! Заткнуть ему глотку!
- Не выйдет, напрасный труд. Меня всюду слышат мои братья Первомай, и я слышу их. Союз бизнесменов бессилён перед союзом трудящихся...
- Не думайте, что вам удастся скрыться! Мы вас всегда опознаем!
- А я и не скрываюсь. Да здравствует Первое мая! Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Рисунок В. КОНОВАЛОВА.

В ПЕРВОМАЙСКОМ СТРОЮ

— Нам всегда идти рядом...

Рисунок Е. ЩЕГЛОВА.

— Кого ждут эти «Победы»?
— Победителей.

Крокодильские частушки

Выступал перед народом
Крупный спец по огородам,
А спросили про картофель, —
Не его, ответил, профиль...

В магазине всё, что надо,
Для торгующей сети.
Только вежливость со склада
Позабыли завезти.

Автор много лет подряд
Убеждает Детиздат,
Что нисколько не грешно
Для детей писать... смешно.

В ресторане пальмы в зале...
Ты ж, директор, не взыщи:
Пальму первенства едва ли
Принесут плохие щи.

Часто наблюдается —
Повара меняются.
А меню здесь — вот беда! —
Не меняют никогда.

На катюшином на платье
Был рисунок очень мил.
Прогуляться вышла Катя,
И рисунок дождик смыл.

Пётр Степаныч был влюблён.
Известил об этом Лизу.
Предложение сделал он —
И отправил в трест на визу.

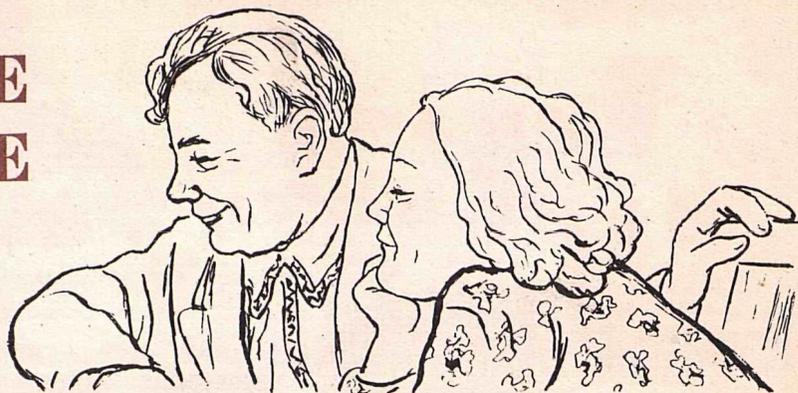
Не игрушку, а загадку
Мать сынишке принесла —
Называется «лошадка»,
А похожа на козла!

Календарь не нужен даже,
Ситуация ясна:
Если валенки в продаже,
Это, стало быть, весна.

С этим вопросом мы обратились к целому ряду своих постоянных клиентов, завсегдатаев журнала. Их ответы смотрите на полях нашего журнала.

СУПРУЖЕСКОЕ СЧАСТЬЕ

По профессии я агроном. Двадцать лет на посту. Колхозники уважают, и в районных сферах авторитетом пользуюсь. Пройдите от нашего села Скибин до самой Белой Церкви — хоть шляхом, хоть просёлком, остановите любого селянина и спросите, какого он мнения о Макаре Карповиче. И пусть меня первый весенний гром разразит, если кто скажет худое слово... Прошу прощения. В субботний вечер моя законная супруга Хивря Станиславовна возвращается с базара. Не приведи господь вам при встрече с нею осведомиться обо мне! Наговорит семь вёрст до небес...

— Я ли, — скажет, — не любила моего Макара, я ли его не уважала! Я ли не была первой дивчиной на селе! А он, лысый дидько, променял свою Хивря на агрономию... Чем она его приворожила, что ни дня, ни ночи без неё не может? По полям да по полям... Без обеда и ужина. Галушки сварю — остынут. Сердце горячей кровью обливается, жаром пылает. Эх, травопольщик неблагодарный! Загубит он мою молодую жизнь, бо вместо души у него кукурузный початок.

У женской фантазии журавлиные крылья! А если разобраться объективно, то во всём радиусе нашей МТС нет души более тонкой и романтичной. Конечно, агрономия превыше всего. Но ничто человеческое мне не чуждо. Меня волнует и в поле каждая былинка и в небе каждая звезда. А больше всего на свете люблю я песню. Как запоют девчата — плачу. Тем временем Хивря из себя выходит: ревнует — к девчатам или к песне — трудно сказать.

И все эти супружеские сцены происходят не иначе, как от бездетности. Будь у нас, к примеру, сынок, ревность и прочие пережитки проклятого прошлого исчезли бы из хивриного сознания, как дым!

Ой, что за дивчина была, а как стала женой, будто кто подменил! Впрочем, слушайте дальше.

Молодёжная тракторная бригада Ивана Ковалева решила ехать на освоение целинных земель. Загорелось юным огнём и моё сорокапятiletнее сердце. Иду к Павлу Семёновичу, директору МТС, излагаю свою точку зрения. Он наотрез:

— Украине тоже специалисты нужны! — И начинает меня обходить с фланга: — Макара, тебя влечёт туда романтика, а лично знаю твою психологию.

А разве романтика, спрашиваю, — плохая вещь, когда она служит на пользу социалистическому земледелию? Хочу, говорю, творческого простора. Бумаги заела. Очевидно, наше облсельхозуправление хочет из агрономов сделать писарей.

— А согласовал ли ты этот жизненный шаг с Хиврей Станиславовной?

Хивря рыдала, умоляла, грозила разводом. Я был непоколебим, как скала.

Провожала нас вся Белая Церковь. Со знамёнами и с оркестром. Секретарь райкома комсомола речь произнёс. Хивря, тихо роняя слёзы, напутствовала меня:

— Ты, Макара, настоящий казак, потому я за тебя и замуж вышла! Только, смотри у меня, на чужих жинок не заглядывай, ежели какая подморгниёт. Снимешь квартиру или угол — сразу пиши вызов! Я покуда тут справляю хозяйственные дела: корову продам, кабана заколю.

Поцеловала меня крепко и сладко, как двадцать пять лет назад. Разлука облагораживает женщину!

От станции Белой Церкви до Кустаная на волах ехать шесть месяцев, а поезд идёт всего восемь суток. За этот короткий период я изучил почву и климат Казахстана и написал своей Хивре три письма: два в прозе, одно в стихах. После она признавалась, что наибольшее впечатление на неё произвели следующие строки:

Как рыдала Ярославна
На путивальской на стене,
Так же Хивря Станиславна
Тосковала обо мне!

Встречали нас хлебом-солью. Сам секретарь обкома мне руку жал. Поинтересовался семейным положением, спросил, где бы я пожелал устроиться.

— По некоторым литературным источникам мне известно, что полвека назад сюда переселялись мои земляки. Хотелось бы поближе к ним, — намекнул я.

— О, тут в редком селе нет украинской семьи! В Фёдоровском районе найдёте даже белоцерковских!

...А между прочим, не только белоцерковских — скибинских встретил! На квартире остановился у Ивана Ивановича Перебийноса. Ради знакомства с хозяином по чарке выпили и по другой. Прасковья Тарасовна, его супруга, на стол поставила макитру вареников, глечик сметаны и сот пять пельменей. Об Украине вспомнили. Хозяйка всплакнула. Не потому, что Сибирь — мачеха. Нет! Этот край теперь близок их сердцу, как и Днепровская степь. Но что за женщина, если у неё глаза сухие? Кстати, Прасковья Тарасовна оказалась родственницей: она доводится кумой двоюродной тётке хивриной крестной матери. Копия Хиври! Сердце доброе, отходчивое.

Работаю я в должности главного агронома МТС. Освоился, прижился. Не рассказываю, что приехал. Тут такие горизонты раскрываются, аж дух захватывает! Чудесный край — Сибирь! Многие мне напоминают Украину. И небо голубое, и земля — добрый чернозём, и «садок вишневый колохаты...» А главное — люди: русские, казахи, украинцы — одна семья. Молчалив, конечно, сибиряк. Раза в три меньше говорит, чем украинец. Но у каждого есть процент романтизма!

Всем хорошо, только что-то не летит моя голубка сизокрылая и весточки не подаёт.

Дел по горло. Светового дня не хватает, хоть разорвись на мелкие части! С утренней до вечерней зари — на полях, а с вечерней до утренней — почту разбираю. В течение суток поступает тридцать одна директива — приказы, письма и телеграммы из Министерства сельского хозяйства Казахстана и Кустанайского облзупа. Очевидно, там тоже не спят, бедолахи! За два месяца я изучил полторы тысячи директив. Сначала возмущался, а сейчас понял, что в них тоже есть своя романтика! За каждым словом сидит живой человек, может быть, даже кандидат наук. Зарплату получает. Понимать надо!

...Согласно неписаной директиве, выехали в поле. Бригада Ивана Ковалева дала в первый день на целине двести процентов! Знай наших!.. Я возвратился с полевого стана, когда уже пропели третьи петухи.

Сел за почту. Читаю приказ министра... Страница десятая... Смежаются веки. Буквы, слова, строки — всё как в тумане... Передо мною расстилается степная равнина. Не спеша ступаю по траве. В чистом небе сияет солнце. Вдруг, откуда ни возьмись, чёрная хмара. Всё зашумело, загудело, и сверху посыпалось что-то белое... Листы, листы, листы... Скоро вся степь укрылась бумажною пеленой. Нагибаюсь, беру лист, читаю — директива: пахать на глубину полтора метра. Поднимаю другой — телеграмма; немедленно сообщить, какие нади и настриги дают индюшки. Хватаю ещё — письмо:

«Уваж. тов. Макара Карпович! Отвечаю на Ваш № 17/51, согласно форме № 35: а) корову продала, б) кабана заколола. Жду последующих распоряжений. Хивря».

...Просыпаюсь в холодном поту... Стол. Приказ министра, страница десятая. Солнце уже над соседской трубой. За стеной с кем-то тихонько беседует Прасковья Тарасовна. Потом... Ушам не верю. Или это снова сон? Голос моей Хиври!

— Ой же ты, моё серденько, — слышу, говорит, — и полюбила же я его... Никитушку! Сильнее полюбила, чем тогда Макара (это значит сильнее, чем меня!).

— Да, деточка, — отвечает елейным голосом Прасковья Тарасовна, — любовь сильнее смерти, перед нею никто не устоит. Покоряться надо сердцу.

«Ах ты, старая ведьма! Семейный уклад рушишь?!»

Во мне вскипает кровь. Я хватаю вечную ручку, как ураган, врываюсь к женщинам, останавливаюсь в упор перед измученной и кричу не своим голосом:

— Кто он?

— Никитушка, — говорит спокойно, нараспев Хивря. — Красавец, и глаза голубенькие. Со мною приехал... Никитушка! Открывается дверь из кухни. Входит... Вихрастый, голубоглазый, щёки горят, как маков цвет... Лет восьми — девяти.

— Полюбуйся, — говорит Хивря. — Такой же, как ты, романтик. Начитался «Пионерской правды», и пришло ему в голову ехать осваивать целину. Отца-матери нету, а в детском доме недоглядели... Вышла я ночью из вагона в тамбур, смотрю, а он прижался в уголок и зиркает оттуда очами... Прошу тебя, Макара, давай усыновим, бо полюбила я его больше своей жизни! Видно, планида у меня такая — любить романтиков.

Тут мы наконец обнялись.

...Прошлое воскресенье в районе зарегистрировали Никиту на нашу фамилию. На обратном пути дали телеграмму-молнию, заверенную загсом, уведомили детский дом: «Не беспокойтесь, Никита нашёл своих родителей. С приветом. Макара, Хивря и Никита Нежурись» (такая, значит, фамилия).

...Близок и май. Точь-в-точь, как на Украине! Всё расцветает, всё пробуждается... Сеём. Никита учится... Романтик!.. Хивря на свиноферме работает. И за Никитой пуще матери родной ухаживает... Не жена — сущий клад! Конечно, улучает свободную минуту, чтобы обзавать меня неблагодарным травопольщиком, вспомнить кукурузный початок и так далее... Но, скажите, где, какая роза растёт без шипов? Мы счастливы. У нас есть сын!

Как вы относитесь к весне?

Сергей МИХАЛКОВ

Рисунок НАДЖАФ-КУЛИ (Баку), присланный на конкурс Крокодила.

БАСНИ

Неясный вопрос

«Да! Бюрократы мы! — сказал весьма ретиво Руководитель главка «Бойстекло». — На письма, так сказать, на наши директивы Бумаги за год сто пудов ушло! Расходы наши, так сказать, огромны, Так будем же отныне экономны!»

Отныне наведён порядок в учрежденье: Чтобы теперь письмо куда-нибудь пошло, Обязан написать сотрудник заявленье И доложить его на усмотренье Аким Акимыча — нач. главка «Бойстекло». В отделах главка письма пишут реже. На марки сокращён расход. Не ясно лишь одно: на что уходят те же, Всё те же сто пудов бумаги в год?

Вороны и скульпторы

На здании, на башню-верхотуру, Установили некую скульптуру — Большую обнажённую фигуру. Прохожие её не видели с земли, Судить о ней вороны лишь могли... Вороны на фигуре посидели, Покаркали, фигуру оглядели И к выводу пришли, собрав совет, Что скульпторы ошибку допустили: Они о потребителе забыли, Раз на скульптуре мест для гнёзд вороньих нет!

* * *

Произведения искусства создавая, Своё поднять пытаюсь мастерство, Твори, художник, ясно сознавая, Что создаёшь, зачем и для кого!

Ради друга...

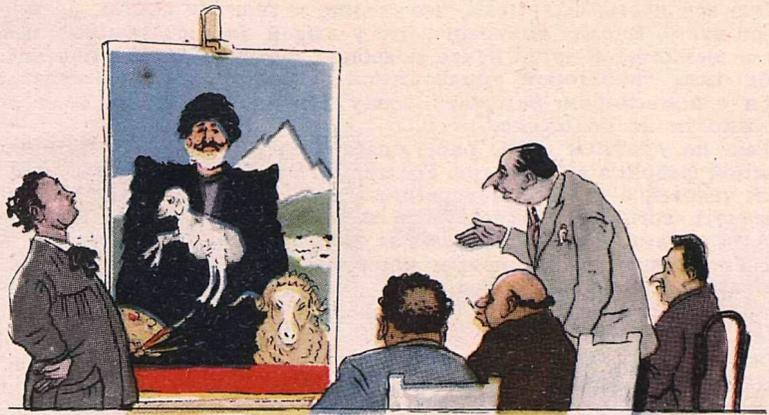
— На славу угощу! Держи стакан, сосед! Вина такого не пивал ты сроду: Какой ядрёный дух! Какой янтарный цвет! Ну что твой мёд! Куда там! Слаще мёду! Пригубил гость стакан — отпил глоток вина, Поморщился... но выпил всё ж до дна. — Ну, как вино? — Признаться, скулы сводит — Оно, видать, давно в бочонке бродит! — Опомнись! Бог с тобой, дурная голова!

Чем говорить такие-то слова, Не лучше ли вино распробовать сперва!

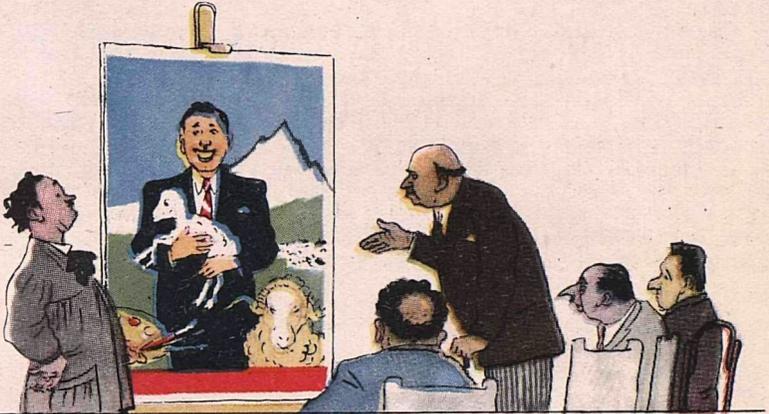
— Уж я распробовал! — Распробовал, да худо! Придётся повторить! — И не проси, не буду! Я выпить был бы рад, но, право, не могу: Недавно я хворал... Желудок берегу! — Давай, давай!.. И гость, как ни старался, Но устоять не смог: так в стельку налился... Что к вечеру уже в больнице оказался.

* * *

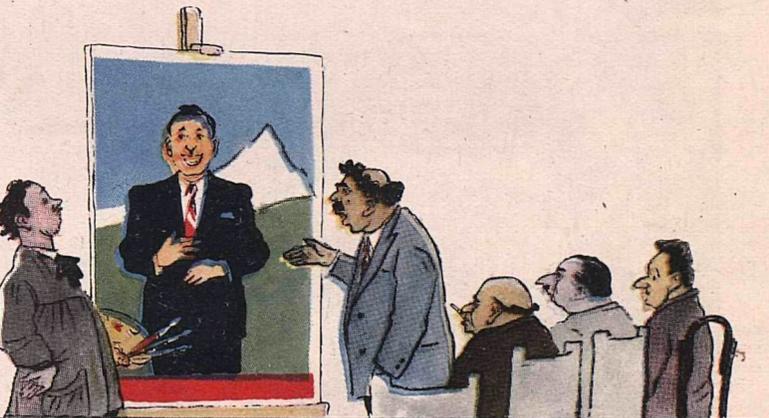
Пей, да с умом? Нет! Басни смысл в ином: Нередко просят нас (не видя в том дурного!) Взять в штат работника заведомо дрянного, В котором толку нету ни на грош... А ведь нажмут покрепче — и возьмём!

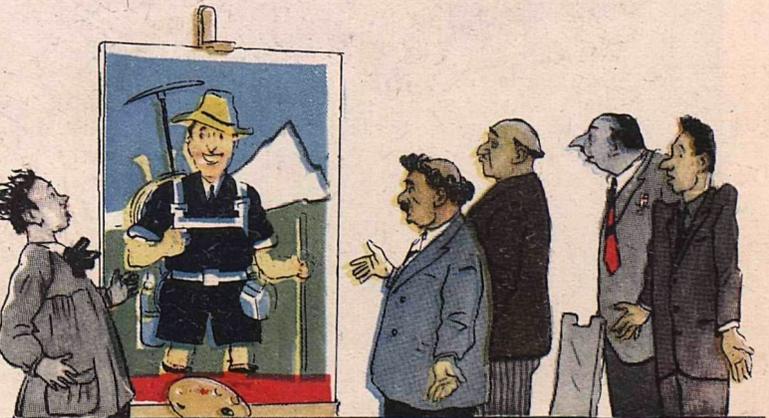
— Хороший плакат, — сказал один член художественного совета, — но почему чабан не брит? Это некультурно! Побрить чабана, да и бурку убрать!

— Очень хорошо! — воскликнул второй. — Но почему баран на первом плане? Главное — человек. Убрать всех баранов!

— Замечательный плакат! — согласился третий. — Но что это за человек? Непонятно. Сделать его... ну хотя бы туристом.

Все (хором): — Чудесный плакат, но художник не учёл, что туризм — не главная тема для нашей области. Главное у нас — животноводство. Плакат не пойдёт!

Как вы относитесь к весне?

БЕЗ ХУДОЖЕСТВ...

Это всё поэты выдумали, что солнце и звонкая капля размягчают душу. Вполне возможно, что у людей неответственных весна и вызывает в душе нечто подобное. Но если судьба повелела тебе быть директором трикотажной фабрики и навеки связала тебя с конвейером, замечать весну и прочие времена года по должности не положено.

Так, по крайней мере, рассуждает директор витебской трикотажной фабрики «КИМ» тов. Гольничик. Этот внушительный, хмурый человек с утра до вечера сидит в своём кабинете, не желая замечать того, что делается за окнами.

А за окнами весна! Расправляют свои ветви черёмуха и сирень, готовясь украсить их новым нарядом. Свежий ветерок проворно разгоняет облако, чтобы земля увидела небо во всей его бархатной синеве.

Если б тов. Гольничик не поленился заглянуть в городской универмаг, он увидел бы, что в отделе трикотажа толпятся сердитые покупательницы. Они спрашивают, почему нет на прилавках тех костюмов, которые вот уже год, как демонстрируются на городских выставках.

— Вот что, — сказал директор, когда встревоженные производственники доложили ему свои наблюдения, — с местными выставками надо кончать. Хватит с нас и художественного совета Главтрикотажа. Там народ поспокойней: посмотрят, одобрят — и дело с концом.

— Святая правда! — подтвердила начальник производственного отдела тов. Лысакова. — К тому же люди они забывчивые. Им один и тот же фасон можно три раза показывать...

— Люблю я бывать на этих советах, — вступил в разговор и начальник ОТК тов. Агранов. — Столько комплиментов за фасоны наговорят, что весь год ими сыт будешь.

— Внушил бы ты это нашей художнице. Странный она человек. Всё за чистую монету принимает. Думает, если её модель на совете одобрили, так сразу её и в производство. А куда, спрашивается, торопиться? Моды, вон, каждый год меняются. Значит, подождать надо, чтоб фасончик устоялся...

Не любит тов. Гольничик потакать модам. Каждый новый фасон дамского платья требует каких-то хлопот. Привыкли, допустим, на конвейере тачать вшивные рукава. И вдруг — извольте отвыкать! Оказывается, художница изобрела упрощённый покрой. И будто бы для фигуры это даже лучше, элегантнее.

Отвыкнуть, конечно, не долго. А ежели опять вернётся старая мода? Разве таких случаев в истории не было? Тогда что же, привыкать обратно?

— Эх, — вздыхает тов. Гольничик, — и почему это никто не придумает такого фасона, чтоб сто лет не менялся!..

Увы, художница Рыбалкина по молодости лет и некоторой наивности до сих пор не догадалась о сокровенных желаниях своего начальства. Только за пять месяцев она предложила пять новых моделей.

Время от времени ими любят учиться учёные мужи художественного совета Главтрикотажа. Когда раздаётся клич о смотре новых достижений фабрики, начальник ОТК тов. Агранов укладывает новые модели в походную коробку, едет в Москву и возвращается с победой: фабрике утвердили все пять фасонов. Сдав коробку с моделями на вечное хранение художнице, он отправляется в цех, чтобы полюбоваться, как на одном конвейере плывут темнозелёные кофты и юбки, похожие на казённые мундиры: рукав в обтяжку, два ряда пуговиц, жакет до колен, а на другом конвейере плывут темносиние кофты, длинные, с коротким бесформенным рукавом, смахивающие на ночные рубашки.

На другой день по конвейеру опять плыли наперекор весне дамские костюмы мутнозелёного цвета.

А весна наступала. Всё теплее и теплее становилось за окнами директорского кабинета. Вот уже заиграли на стенах зайчики, которые вспорхнули сюда, отражённые весёлыми лужами.

Зайчики забрались и в коробку с новыми моделями. Блазки и костюмы новых фасонов переливаются на солнце всеми цветами радуги.

Если вам, дорогой читатель, случится попасть в кабинет к тов. Гольничу и увидеть эти модели, не верьте глазам своим. Верьте тому, что лежит на прилавках...

Лариса ФЕДОРОВА

г. Витебск.

Рисунок Я. БЕНЗЕНА (Таллин), присланный на конкурс Крокодила.

Как вы относитесь к весне?

БЮРОКРАТИЧЕСКИЙ АГРЕГАТ

БЮРОКРАТ: — О каком ещё отношении может идти речь? У меня и так целая гора отношений!..

ДВЕ ДЕВИЦЫ

Толковали две девицы,
Посетив Колонный зал:
— Для чего артист «Страницы
Маяковского» читал?
Про какие-то герани,
Канареечный уют...
Можно думать, что мешчане
До сих пор у нас живут!
Улетучились в пространство
Обывательская дрянь,
Ожиревшее мешчанство,
Канарейки и герань.
Так зачем же гнев поэта
Снова подняли на щит?
— Да, конечно, тема эта
На сегодня не звучит!

И, колючие страницы
Уничтоживши дотла,
Перекинулись девицы
На текущие дела...
— Ты встречаешься с Серёжей?
— Он законченный балбес,
Предлагает с ним — о боже! —
Закопаться в МТС...
Пусть поёт иная дура
«С милым рай и в шалаше»,
Лично мне архитектура
Не такая по душе:
Центр, квартира в доме новом,
Холодильник и гараж,
Телевизор, ванна, — словом,
Комфортабельный шалаш.
А твоё какое мнение?
— Ой, молчи! Схожу с ума.
В превеликом затруднении
С женихами я сама...
Как-никак у Константина
(Точно выяснила я)
Персональная машина,
А у Алика — своя...
Алик робок и неловок,
До всего податлив, тих,
Но, увы, командировок
Не имеет никаких!
Не до жиру, быть бы живу,
Если вечно рядом муж...
Представляешь перспективу?
— Представляю!

— И к тому ж
Надо взгляд подальше бросить.
Вот Герасим — это клад:
Важный чин... осанка... проседь...
Правда, он пока женат,
Но теряться тут, однако,
Очень глупо. И вчера
Я сама пошла в атаку...
— Что ж, ни пуха, ни пера!

Попрошаться не успели,
Как у дома номер два
С репродуктора слетели
И вонзились в них слова:
«Не девицы —

а растраты.
Раз взглянув
на этих дев,
Каждый
должен
стать кастратом,
Навсегда охолодев».

Рисунок А. КАНЕВСКОГО.

ПРОЧНАЯ РАБОТА

— И ты метишь на трактор? Ведь он же после ремонта — развалится!

В некоторых МТС Молдавии, из-за недоброкачественного ремонта, значительная часть тракторов вышла из строя в первые дни сева.

Мимоходом

— Проявить инициативу! Я не прочь. Но, во-первых, подскажите мне, что именно я должен проявить, и, во-вторых, помогите же мне это проявить!

ИЗ РАЗМЫШЛЕНИЙ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РАЙПОТРЕБСОЮЗА: — Если в чайной нет чая, то это всё-таки чайная. Но если в чайной нет водки, — какая же это чайная!

— Послушайте, товарищ продавец, почему вы грубите!

— Как же мне не грубить! Целый месяц я был вежлив с покупателями, а премировали другого продавца...

Устройство у иных механизмов простое: работают они от простоя до простоя.

Рубрика весьма значительно гласила: «Очерк». Но очерк, увы, ни о чём значительном не гласил.

Л. МИТНИЦКИЙ

Как вы относитесь к весне?

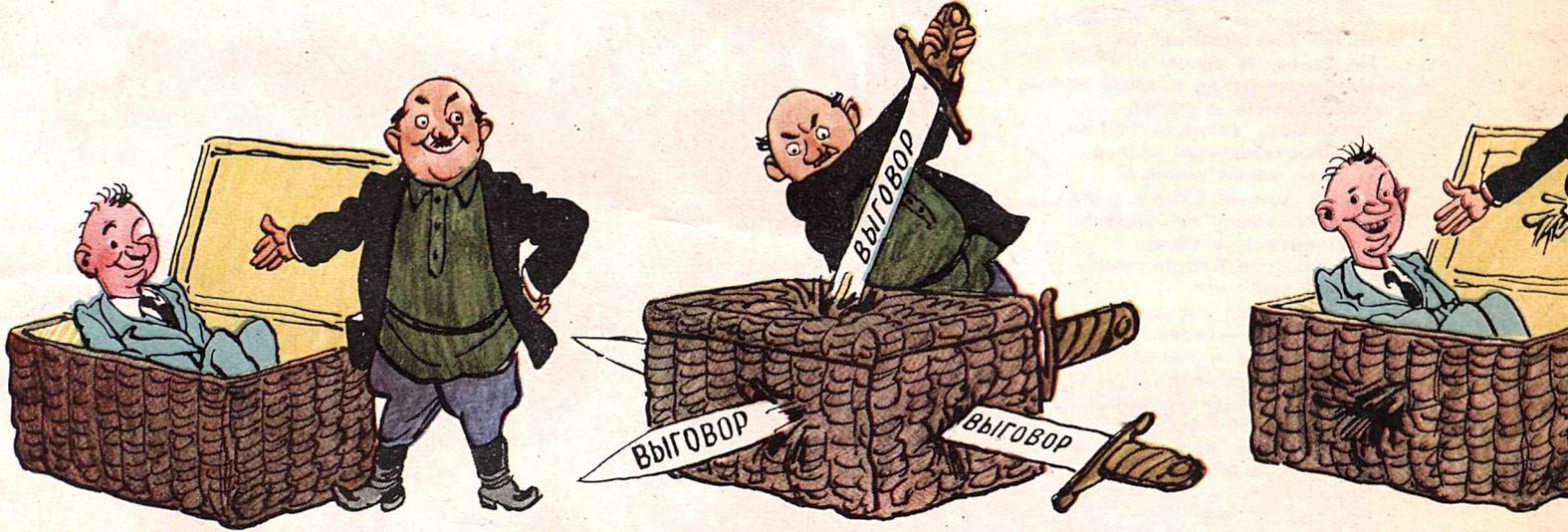
СПЛЕТНИЦА: — К весне отношусь подозрительно. Ещё подсмотрим, к кому, зачем и с чем она пришла.

КРОКОДИЛЬ

Рисунок И. СЕМЕНОВА.

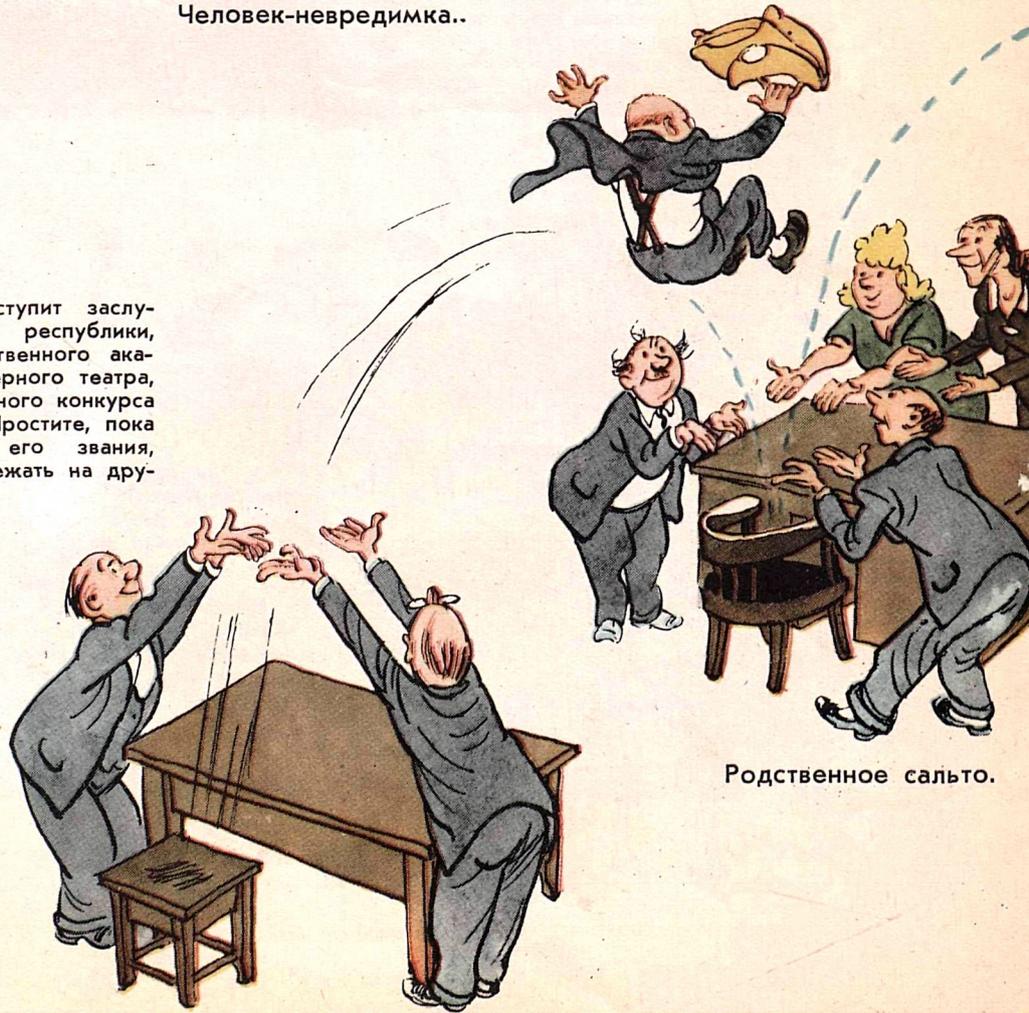
Критик-канатоходец.

Человек-невредимка..

— Сейчас выступит заслуженный артист республики, солист Государственного академического оперного театра, лауреат всесоюзного конкурса исполнителей... Простите, пока я перечислял его звания, артист успел сбежать на другой концерт...

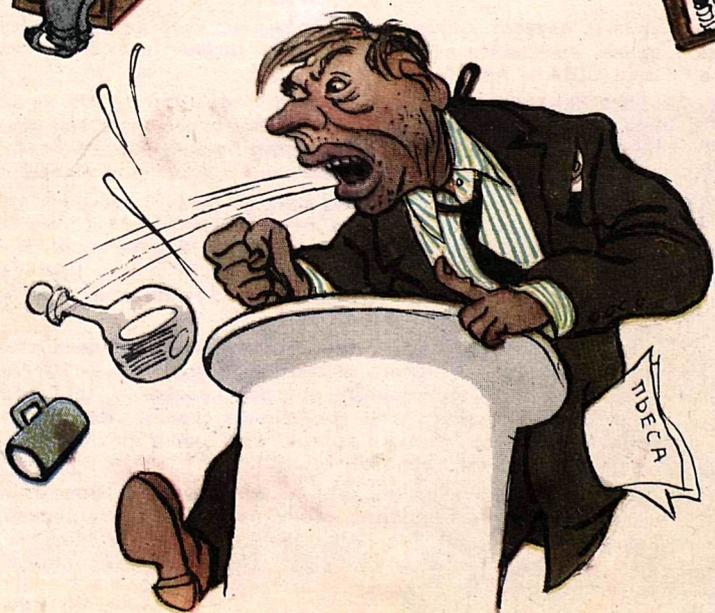
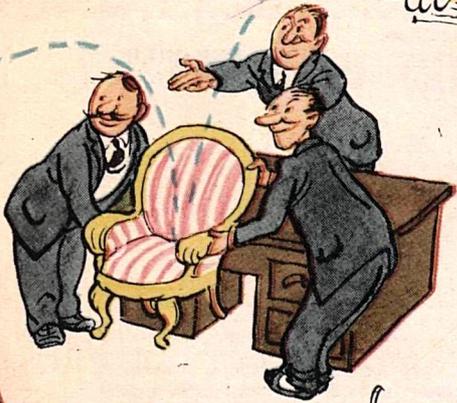

Родственное сальто.

СКИЙ Концерт

Музыкальные эксцентрики.

Мастер антихудожественного слова.

Товарищ Семейников переходит на новое место работы...

НОЧНЫЕ КОШМАРЫ

Тяжело отдуваясь, мистер Слэндер, склонный к полноте мужчина средних лет, откинулся на мягкую спинку дивана. Поезд тронулся. Мимо окна проплыли большие электрические часы, обе стрелки которых покоились на цифре 12, говоря провожающим и опоздавшим о том, что ночной экспресс Кливленд — Чикаго отправился минута в минуту.

В двухместном купе, кроме мистера Слэндера, оказался худощавый седой джентльмен с густыми чёрными бровями над очками невероятной величины.

— Успел-таки! — в радостном возбуждении воскликнул мистер Слэндер, всем своим видом приглашая попутчика присоединиться к его ликованиям. — Вы не поверите! Ещё каких-нибудь две — три минуты назад я в компании своих коллег пил в привокзальном баре за здоровье путешественников...

Незнакомец, не обращая никакого внимания на своего соседа, готовился ко сну. Между тем тот не утихал:

— Совсем забыл! Позвольте представиться: Генри Слэндер, журналист. — И, не дожидаясь, когда обладатель густых бровей назовёт себя, он извлёк из недр обширнейшего клетчатого пиджака плоскую пластмассовую фляжку. Затем жестом завязатого фокусника извлёк откуда-то два крошечных стаканчика и предложил:

— Давайте и мы... За путешествующих!..

Джентльмен брезгливо поморщился и даже отстранился немного. Столь суровый приём слегка обидел мистера Слэндера, но от своих притязаний на собутыльника он не отказался.

— Выпьем, старина! Здесь же некого бояться! — сманивировал он. — Нет ни вашего босса, ни жены, ни тещи. И никаких, чёрт бы их побрал, расследователей!..

Суровый попутчик кинул на мистера Слэндера поверх очков гневный взгляд и, сославшись на поздний час, заявил о своём непреклонном желании хорошенько выспаться перед кучей дел, которые ждут его в Чикаго.

— Ха-ха! — заржал Слэндер. — Вы, верно, член какой-нибудь «Лиги борьбы с пьянством» или из тех, кто путём нравственного самоусовершенствования пытается не только спасти душу, но и добиться благополучия. Не так ли? Бьюсь об заклад, вы или клерк в какой-нибудь солидной конторе, или агент по продаже недвижимостей, или...

Джентльмен, нетерпеливо шевельнув бровью, перебил его:

— Прошу вас, не утомляйте себя и меня продолжением столь сумбурной речи.

Он снял очки, отчего глаза его сузились до чрезвычайности, но лицо отнюдь не потеряло сурового выражения, и сухо сказал:

— Я, если вам угодно, член комиссии по расследованию антиамериканской деятельности. Спокойной ночи!

Вся респектабельность, присущая внешности мистера Слэндера в минуту душевного равновесия, молниеносно исчезла. Жидкие волосы, назначение которых состояло в том, чтобы прикрывать начинающую плешиветь голову, свисли на лоб, и это придало её обладателю довольно горестный вид.

Тщетно пытаясь развязать галстук, мистер Слэндер бормотал извинения, на которые страшный его сосед не пожелал даже ответить. Затем в припадке усердия он вскопчил, чтобы выключить плафон и оста-

вить лишь настольную лампу-ночник. Наступивший полумрак поглотил забившегося в угол дивана мистера Слэндера.

Колёса издевались над ним: «Подделом тебе, подделом тебе, подделом тебе...» В такт колёсам серебристо звенела в стакане чайная ложка.

«Ничего особенного, — пытался успокоить себя мистер Слэндер. — Может быть, завтра попутчик забудет об этой истории. А что, если меня попросят предстать перед комиссией?! Ведь личная неприязнь одного из её членов может оказаться роковой для моей карьеры журналиста!»

Отнюдь не легко было мистру Слэндеру добиться теперешнего благополучия. Начал он репортёрской скандальной хроники у старика Херста, а теперь, спустя двадцать лет, он редактор крупной вечерней газеты. И, что греха таить, совсем не благодаря уму и трудолюбию выдвинулся Генри Слэндер на столь ответственный пост: как и прежде, служит он своим хозяевам верой и правдой. Впрочем, если выразиться точнее, формулировка «верой и правдой» будет выглядеть, как говорится, совсем наоборот.

И вот случай послал ему такого попутчика... Теперь — комиссия, а там и конец всему благополучию, которого подвижнически добивался мистер Слэндер.

У страха глаза велики. Натренированное воображение журналиста живо рисовало ему картины, одна другой кошмарнее. Он уже отчётливо представлял себе холодные и тяжёлые, как могильные плиты, фразы, обвиняющие его в антиамериканской деятельности. Он видел своего попутчика в роли обвинителя, который объявляет его красным или, по крайней мере, сочувствующим. Обвинитель, без сомнения, не преминет смешать с грязью Слэндера-журналиста (что, разумеется, не составит никакого труда) и Слэндера-семьянина (несмотря на то, что он холост).

Всепоглощающий, леденящий страх охватил его. Можно быть совершенно уверенным, что после знакомства с комиссией за него, Слэндера, никто не даст и деревянного цента!

Мистер Слэндер так и не сомкнул глаз. Всю ночь его мучили кошмары.

Незадолго до рассвета страшный джентльмен проснулся.

— Как вы спали? — дрогнувшим голосом спросил несчастнейший из пассажиров, лицо которого, бледное и опухшее, выражало, однако, почтительное и подобострастное внимание.

— Превосходно. А вы? Э, да я вижу, вы совсем не ложились? Уж не моя ли вчерашняя шутка тому причиной? Знаете, против не в меру словоохотливых попутчиков нет средства вернее... А вы почти угадали мою профессию: я агент по продаже автомобилей. Дело, видите ли, в том, что...

Холодное бешенство овладело Слэндером. Не простившись, он выскочил в коридор вагона.

Радио поезда объявило, что через пять минут Чикаго.

Рассвет, едва пробившийся через шторы окон, возвещал о начале обычного дня, в течение каждых семидесяти двух секунд которого, по данным статистики, совершалась кража со взломом, а каждые сорок минут — убийство. Ничто не нарушало ритма американской жизни. Экспресс прибыл в 6.00, точно по расписанию.

Ф. КОНИЧЕВ

г. Ленинград.

На коммерческие темы

В ДОЛГОВОЙ ЯМЕ

Греческая экономика трещит под тяжестью военных расходов. Не удивительно, что государственным мужам Греции приходится всё чаще наведываться к тому, кто взял на себя ответственность и за военные расходы и за экономику страны, — к дяде Саму.

Вот и на днях робкая надежда толкнула министра обороны Канеллопулоса за океан, на манящий блеск доллара. Но тугой кошель дядюшки зловеще захлопнулся как раз перед самым носом огорчённого министра.

Более того, в протянутой для милостыни руке Канеллопулоса внезапно оказался счёт, по которому Греция, оказывается, должна выплатить Соединённым Штатам шесть с половиной миллионов долларов (двести миллиардов греческих драхм) за «американскую помощь греческому экспедиционному корпусу» во время войны в Корее.

Ошарашенный министр обороны упал в кресло и одним духом опорожнил флакон валерианки. Придя в себя, он учтиво сказал:

— Хотя это и очень дорого, я уверен, что мы должны оплатить счёт. Благодарим за внимание!

На другой же день страницы афинских газет запестрели вопросительными знаками.

«Не сошли ли с ума теперешние представители свободного мира?» — тревожно спрашивала, например, афинская газета «Элефтерия».

И, обосновывая свои сомнения в умственных способностях заокеанских кредиторов, газета продолжала:

«У нас есть убитые, раненые, инвалиды корейской войны... В силу какой логики США имеют право требовать от Греции кроме крови, которую она пролила, и денег, которые она израсходовала, ещё и

уплаты двухсот миллиардов драхм за участие в корейской войне, в войне, явившейся в конечном счёте результатом бессмысленной политики США в Азии?»

Как бы то ни было, вместо того, чтобы, по совету некоторых греческих газет, «немедленно взять шапку в охапку и вернуться в Грецию первым же самолётом», Канеллопулос бережно и благоговейно опустил предьявленный счёт в карман, а потом долго ещё откланивался.

Министр обороны, конечно, считает вопросы «Элефтерии» слишком наивными, чтобы отвечать на них. На другие же вопросы этой газеты он не намерен отвечать ввиду их явной бестактности. Например:

«Какое право имеет греческий министр подписываться под неприемлемым счётом? Разве он будет платить по этому счёту из денег своего папаша?»

Как уже отмечал Крокодил в одном из последних номеров, греческие правители обязались выплатить Соединённым Штатам значительную часть «государственных долгов» начиная с 1821 года, а они исчисляются в сорок пять триллионов драхм. Видимо, американцам показалось мало старых долгов, вот они и решили сорвать двести миллиардов драхм дополнительно.

Впрочем, не исключено, что из этих двухсот миллиардов дядя Сам воздаст Греции от щедрот своих пять — десять миллиардов драхм в качестве «помощи». Кто тогда заподозрит его в гнусном вымогательстве и беззастенчивом грабеже?! Просто Греция помогает Америке оказывать помощь Греции.

Н. ЗЕМСКОВ

ЛУЧШИЙ ПОДАРОК

МОНОЛОГ ВЕТЕРАНА ВОЙНЫ В КОРЕЕ

— Скажи, парень, ты можешь себе представить, чтобы взрослый здоровый человек лежал на полу в магазине на Пятой авеню в Нью-Йорке? А это действительно случилось недавно. Причём человек был абсолютно трезв, его никто не толкал, не просил лечь на пол, и в этот момент не было учебной атомной тревоги. Не можешь? Так слушай. Захожу я вчера в музыкальный магазин и прошу какую-нибудь новую пластиночку. Что-нибудь, говорю, приятное, интимное, трогательное. Продавец взглянул на моё хаки и любезно спрашивает, не был ли я, между прочим, в Корее. Говорю, что, между прочим, отведал там огонька. «Прекрасно, сэр, — говорит он, — вот как раз то, что вам нужно. Надеюсь, что пластинка произведёт на вас впечатление». Он ставит пластинку, и прямо у меня над ухом раздаётся пулемётная очередь. Потом свист — бомба. Инстинктивно бросаюсь на землю. Ничего не поделаешь, привычка. Уже лёжа на полу, слышу несколько арт-разрывов, лязг танковых гусениц. Не знаю, что у меня было за лицо, но никто не засмеялся. Гляжу на пластинку: «Подлинный шум боя из Кореи. Лучший подарок для ветерана после перемирия». Бросил я деньги на прилавок, взял пластинку и шмякнул её об пол. «Не знаю, как другие, — говорю, — а я такой музыки слушать больше не желаю. Ни в записи, ни тем более в натуре».

ПОД ПСЕВДОНИМАМИ

Американская газета «Монтгомери адвертайзер» пишет, что возрождаемая японская армия называется «корпусом национальной безопасности». В ней нет генералов, полковников или майоров, а есть «надзиратели» различных рангов. Вместо солдат в ней «служащие». Танки называются «специальными экипажами».

У мастеров втираёшь очки
Своя терминология,
Свои наклейки, ярлычки
И хитрости убогие.

«Домашней птицею» идут
По спискам истребители,
А пушки всем известны тут
Как «громкоговорители».

Мол, если варит голова,
Вмиг всё переименится.
Под скромным именем «дрова»
У них снаряды значатся.

Напрасный труд! Вояк не скрывает
Под самым сложным гримом.
В мешке ведь шило утаить
Нельзя под псевдонимом.

Юр. ФИДЛЕР

ВЕСЕННИЕ ПОСАДКИ

Рисунок В. ГОРЯЕВА.

Японские крестьяне перенимают советские мичуринские методы яровизации. Полицейские власти преследуют сторонников этих методов.

По Мичурину

Из-за Мичурина.

НОВОЕ В СПОРТЕ

То было в дни Олимпийских игр. Чувство товарищества сблизило участников соревнований. Многие научились понимать друг друга, хотя говорили на разных языках.

Радостно было на душе победителя в десятиборье американца Боба Матиаса. Однажды, стоя рядом со спортсменом из другой страны, Боб дружески положил руку на его плечо. Кто-то запечатлел это на плёнке.

Тут, собственно говоря, можно было бы и поставить точку, если бы эта самая фотография не попала, хотя и с опозданием, в руки некоего сенатора, имя которого уже навязло в зубах. Маккарти (ну, конечно же, он), взглянув на снимок, немедленно установил, что Боб совершил строго наказуемый поступок, ибо, как это зафиксировано на плёнке, его американская рука прикоснулась к плечу советского спортсмена.

Вот если бы рука Боба прикоснулась к плечу советского спортсмена в драке, тогда, с точки зрения сенатора, всё было бы в полном порядке, и Боб — с этой же точки зрения — совершил бы вполне американский, патриотический поступок. Но просто так, из чувства товарищества и дружбы, без всякой задней мысли?!

В общем, сенатор, который шутить не любит (многие его дела похуже самых дурных шуток), дал делу ход, предписав Бобу немедленно явиться к нему для дачи показаний по поводу своего антиамериканского поведения.

Однако Боб отнёсся к приглашению сенатора с меньшим уважением, чем к барьеру, который он привык брать в беге на 110 метров. Если берёшь барьер на беговой дорожке, решил Боб, то можно взять и барьер, поставленный сенатором на пути добрых отношений с людьми.

— Пусть сенатор, если он хочет меня видеть, встретится со мной в тёмном переулке, — ответил Боб на приглашение явиться в комиссию Маккарти.

Сенатор пока что не изъявил такого желания. Так началось труднейшее для Боба Матиаса, американского рекордсмена в многоборье, соревнование с Джо Маккарти, фашистским рекордсменом в многовздорье.

ВОЗНЯ В СЕУЛЕ

Высунувшись из своей сеульской подворотни, Ли Сын Ман поднимает неимоверный шум. Карлик прямо-таки разбушевался: он ругает своих хозяев и даже угрожает им. А главное, он принимает воинственные позы и рвётся в бой. Ли Сын Ман пыжится и пищит:

— Хочу воевать! Нет, вы меня не удержите! Вперёд! На Север!

А недавно он так разошёлся, что даже громко завизжал:

— Подайте мне водородную бомбу!

Самую смешную роль в сеульском представлении играет, однако, не столько Ли Сын Ман, сколько его хозяева — американские империалисты. Они делают вид, что очень напуганы воинственным настроением пигмея, никак не могут сдержать его и готовы спрятаться под стол от этого разбушевавшегося «грозного богатыря».

Постановка настолько убога, что всем слышен из-за кулис голос американского режиссёра. Этот сердитый голос понукает Ли Сын Мана:

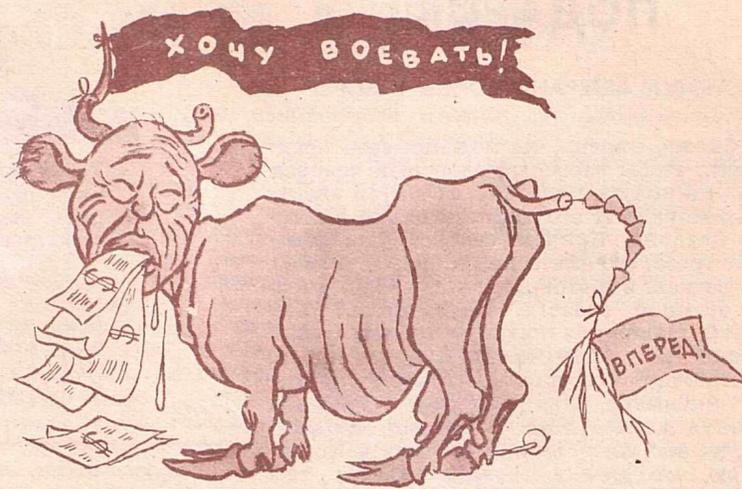
— Кричи, кричи пострашнее! Да ругай ты нас громче! И этого не умеешь? И за что мы тебе только деньги платим?!

«Воинственные настроения» Ли Сын Мана американские захватчики рекламируют с простым расчётом — на случай, если понадобится оправдание срыва перемирия в Корее и подготовки новых агрессивных захватов в Азии.

Как свидетельствует известный американский журналист Гейн в статье, напечатанной журналом «Нейшн», Ли Сын Ман занял теперь место Чан Кай-ши «в качестве иностранной священной коровы в американской политике». Отнюдь не случайно Гейн так пренебрежительно называет южнокорейского «президента». Американцы знают: некоторые азиатские народы поклоняются животным. Вот они и рекламируют Ли Сын Мана как объект поклонения. На безрыбье и рак — рыба. Когда американские монополисты начинают убеждаться, что их азиатские авантюры не дают им ни шерсти, ни молока, то и Ли Сын Ман вырывается из их воображения до размеров коровы.

Однако даже некоторые буржуазные американские публицисты вынуждены признать, что Ли Сын Ман — не столько священная корова, сколько чумная крыса, опасная и для тех, кто её приручил.

Разумеется, опасен Ли Сын Ман для американских хозяев вовсе не своим непослушанием (он демонстрирует это непослушание именно потому, что он послушен). Один из лучших знатоков политики США в Азии, Марк Гейн, хоть и уснащает свою статью обязательными для американской буржуазной прессы рассуждениями о неукротимой воинственности Ли Сын Мана, всё же признаёт, что марионетка сама ничего не решает и её «можно легко отстранить».

И Гейн спрашивает: «А не пора ли это сделать?»

Уж слишком сильно пахнет мертвечиной и разложением от лисымановского режима! И притом дрянная марионетка обходится слишком дорого.

На восстановление Южной Кореи американские власти решили ассигновать один миллиард долларов (вместе со средствами ООН). Деньги хлынули в кассу Ли Сын Мана. Ну, а где же восстановление? Ли Сын Ман, оказывается, расходует огромные средства не на стратегические цели, а на постройку... увеселительных заведений. В частности, миллионы долларов брошены на сооружение фешенебельного отеля с комфортабельнейшими номерами, шикарными рестораном и коктейль-холлом, богатейшей оранжереей, роскошным залом с потолком, изображающим эффектно освещённое звёздное небо, и т. д.

Разумеется, американцы, приезжающие в Южную Корею, ничего не имеют против коктейль-холлов, бара и зала, на потолке которого сияет звёздное небо. Но они дали деньги прежде всего для того, чтобы подлатать Южную Корею на случай новой войны. А что дадут увеселительные заведения Ли Сын Мана? Не будешь же отстреливаться пустыми бутылками из-под виски!

Пробовали втолковать Ли Сын Ману, чтоб он не сорил деньгами, которые ему ассигновали. Ли Сын Ман удивился. Старый мздоимец настолько погряз в коррупции, что вполне серьёзно думает, будто один миллиард долларов дан ему в качестве взятки.

Ещё в своей книге «Японский дневник» Марк Гейн предостерегал американских завоевателей от увлечения Ли Сын Маном. Он называл дряхлого карлика так: «Анахронизм, сохранившийся до нашего века». Теперь Гейн подводит некоторые итоги и делает вывод, что этот уродливый анахронизм слишком дорого обходится США. На содержание одной южнокорейской дивизии американцы расходуют двести миллионов долларов в год. А если учесть новые требования Ли Сын Мана, расходы вырастут до миллиарда долларов в год на одну дивизию. Как известно, американцы считают южнокорейского солдата самым дешёвым в мире и уверены, что ему достаточно одной горсти риса в сутки. Однако из этой горсти львиную долю забирают лисымановские прихвостни, а миллионы долларов оседают в их карманах.

Автор статьи приходит к выводу, что выгоднее всего для США — выгнать Ли Сын Мана. Легко сказать — выгнать. Но кого поставить на его место? Гейн признаёт, что лисымановские генералы, которые служили японцам, а потом наскоро переучивались в США, способны не столько воевать, сколько воровать. Не так-то просто найти предателя-марионетку, когда народы усиливают борьбу за свободу и становится очевидным, что поражение захватчиков неизбежно.

Вот и приходится держаться за такую грязную ветошь, как Ли Сын Ман, и мириться с немалыми накладными расходами.

Живые трупы

В просторном зале на передвижной подставке стоит гроб. Мы видим усопшего. Кажется, что он не умер, а заснул, с него даже не сняли часы и очки.

Улыбающиеся физиономии, смех, шутки, звон бокалов, танцы. Так ведут себя на именинах или на свадьбе, а отнюдь не на похоронах.

С трудом верится, что чёрный гроб может быть поводом к буйному веселью. В петлицах у мужчин — массивные жетоны с серебряным изображением гроба. Но вот покойному подносят бутылку шампанского, и наш мертвец внезапно оживает. Плотно осклабившись, он приподнимается и тянется к бутылке.

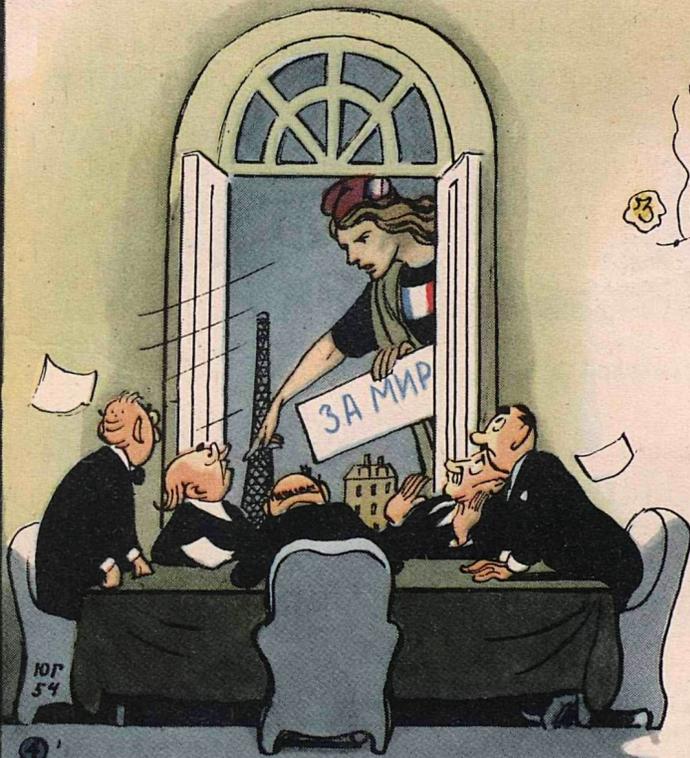
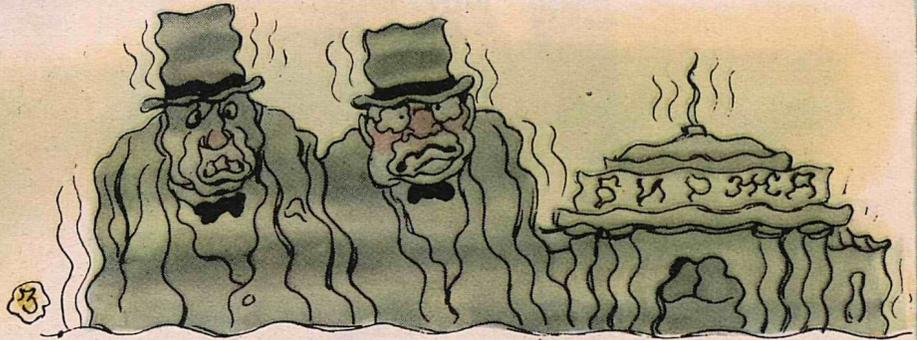
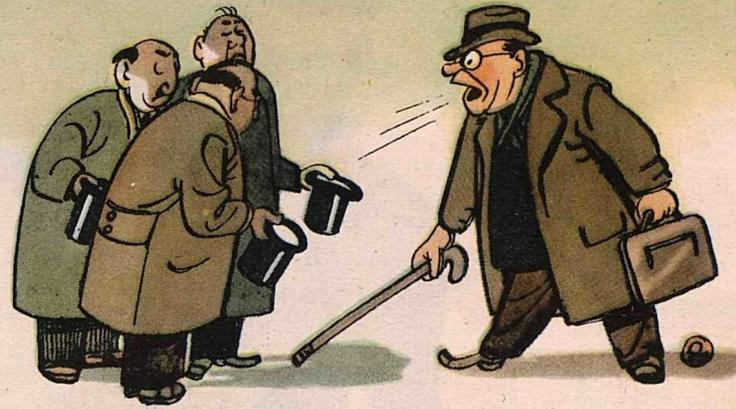
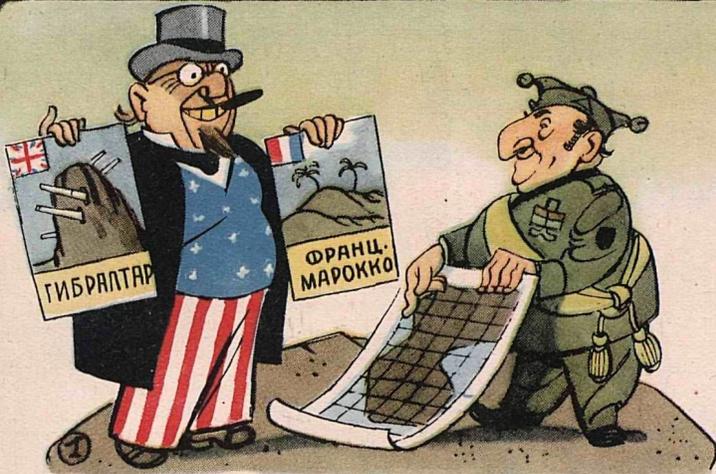
Февральский номер американского журнала «Лайф» (что, между прочим, означает «Жизнь»!) подробно, на двух страницах, с фотоиллюстрациями повествует об этом спектакле, прославляющем сладость смерти, который был поставлен в одном из городов штата Аризона.

Журнал, смакуя, рассказывает о состоявшемся празднестве. Из фотографий можно узнать, что гроб не является здесь единственным атрибутом потустороннего мира. В другой комнате можно видеть бочонок с вином, на который водружён зияющий пустыми глазницами человеческий череп. Оказывается, это — очередное собрание членов общества, которое имеет свой утверждённый устав и свой определённый состав. Из статьи мы узнаём, что это не единственное общество пропагандистов смерти. Подобные организации были в США раньше и существуют сейчас. Словом, это гробовое общество типично для «американского образа жизни», где любители хорошо пожить горячо рекомендуют другим, лишённым этой приятной возможности, отправиться к праотцам.

В самом деле, если леди и джентльмены, запечатлённые на этих снимках, действительно хотят сами умереть, то, спрашивается, кто же им мешает?

В. РОДИОНОВ

Юр. ЧАПЛЫГИН

ВНИМАНИЕ!
КРОКОДИЛЬСКАЯ СТУДИЯ ТЕЛЕВИДИЕНИЯ ПОКАЗЫВАЕТ СВОЮ ВЕСЕННЮЮ ПРОГРАММУ

1. Кадр из передачи, организованной правящими кругами США,— передача испанской земли под американские военные базы. В знак признательности дядя Сам готов пожертвовать покладистому Франко английский Гибралтар и Французское Марокко. Как видим, обе невысокие договаривающиеся стороны готовы обменяться чужими территориями.

2. На экране — дружеская беседа между любезным представителем Уолл-стрита, посетившим Лондон, и некоторыми гордыми британцами из парламента. Заокеанский гость вежливо просит хозяев усилить военные приготовления. Хозяева с достоинством соглашаются. Телевизор в порядке, однако голоса хозяев дома что-то не слышно. Наверное, потому, что хозяином положения является заокеанский гость.

3. Физиономии этих бизнесменов искажены не нашим телевизором, а предчувствием надвигающегося экономического кризиса. Дрожат не их изображение на экране — дрожат они сами. Ибо, как выражается журнал «Бизнес уик», этот кризис «будет не столь уж незначительным».

4. Мы видим очередное заседание французского кабинета министров, посвященное больному вопросу о ратификации «европейского оборонительного сообщества». Заседание, как обычно, не принесло желаемых результатов из-за помех, в которых наш телевизор опять-таки не повинен.

5. Снова искаженная физиономия! И звук какой-то странный: то ли хрипенье, то ли рычание. А телевизор между тем в полном порядке! Дело в том, что перед нами — американский конгрессмен, разъяренный известием о новых торговых соглашениях, заключенных между западно-европейскими фирмами и Советским Союзом. Изображение конгрессмена не выходит за рамки, в то время как сам он выходит из рамок.

6. Эта злобная фигура, олицетворяющая возрождаемый вермахт, попала на наш экран из программы (политической), составленной в Бонне по заявкам Вашингтона. Миротлюбивыми народами составлена и осуществляется программа борьбы против этой программы.

СЕЗОННАЯ ПОПРАВКА

Рисунок К. ЕЛИСЕЕВА.

— Измените дни приёма посетителей в соответствии с этим календарём.

Вл. МАСС, Мих. ЧЕРВИНСКИЙ

МАГАРЫЧ

Антон Фомич к себе был строг,
Почти не пил — помилуй бог!
Он вовсе не был алкоголиком,
Он человек был деловой.
Он не сидел один за столиком
С хмельной, тяжёлой головой.
И, над бутылкою ссутулясь,
Не пел, забыв про все дела:
«Шумел камыш, деревья гнулись,
А ночка тёмная была...»
Не склонный к бурному веселью,
На пьянство трезво он смотрел
И пил с единственной целью
Благоустройства личных дел.

Он знал, с кем выпить и когда,
Умел компанию составить
И выпить рюмочку всегда
Мог и непьющего заставить.
Он помнил, кто на что клюёт:
Кто на коньяк, а кто на водку,
Кто под грибки охотней пьёт,
А кто охотней под селёдку,
С кем можно просто «по одной»
Распить в какой-нибудь пивной,
А для кого, допустим, нужен
Импровизированный ужин
Или торжественный обед
Для доверительных бесед.

Вино не раз его спасало,
Когда угроза нависала
Над ним предвестием конца;
Ему служило угощенье
Надёжным средством укрощенья
Вышестоящего лица.

Он не входил с начальством в споры,
А поступал хитрей лисы,
Переноса все разговоры
На внеслужебные часы.
В «Арагви» или в «Иртыше»
Искал он путь к его душе.

В углу четыре музыканта
Наяривают вальс-бостон.
Блокнот в руках официанта
Заказом длинным испещрён.
Сидит начальник в ресторане
И строго смотрит на стакан.
Он хмур, как будто на аркане
Его тащили в ресторан.
Ещё протест какой-то зреет
В его сознании порой,
Но после первой он добреет
И предлагает по второй,
Потом по третьей пьёт за что-то,
За что-то по четвёртой пьёт,
Потом сбивается со счёта,
Потом без счёта пьёт,

и вот
Уже не сух, уже не строг он.
Склоняясь к Антону Фомичу,
Любвеобилен и растроган,
Его он треплет по плечу.

Антон Фомич добился цели
И разговор завёл о деле.

В сторонку сдвинута посуда,
Стол превращается в бюро.
Лежит бумаг различных груда,
И тут, неведомо откуда,
В руке начальника, как чудо,
Вдруг появляется перо.
Антон Фомич подносит ловко
Одну бумажку за другой...
Бутылка с белой головкой
В его руке готова в бой.
— Подлить?

— Достаточно! Не надо!
Начальник отодвинул стул,
Взглянул на друга мутным взглядом,
Вздыхнул,
икнул

и подмахнул.
Блаженствует Антон Фомич:
Он своего сумел достичь.

Начальник сам — какая сцена! —
Не замечая ничего,
Из собутыльника мгновенно
Стал соучастником его!..

Дающих, так же как берущих,
Закон карает вездесущий.
Учёл сей факт Антон Фомич,
Призвав на помощь магарыч.
Дать взятку — грех, и очень тяжкий,
Нельзя «барашка дать в бумажке»,
Но не карается пока
«Барашек» в виде шашлыка.
Графинчик водки,

винегрет,
Под белым соусом стерлядка...
Посмотришь —
дружеский обед,
А приглядишься —
та же взятка.

Как вы относитесь к весне?

ЦИТАТЧИК: — Меня врасплох не застанешь — по любому вопросу у меня есть своё мнение. Вас интересует весна? Пожалуйста: «Люблю грозу в начале мая...» (Ф. Тютчев).

Рисунок С. КУЗЬМИНА.

В комбинате «Мостеакостюм» установлена высокая плата за прокат театральных костюмов.

Взял...

сдал...

и рассчитался.

Школьная повесть

Экскурсия в лес
И учебный процесс,
Гербарий,
дендрарий,
Артек и экспресс...
И в каждой строке о пятёрках
твердят:
Учитель, вожатый,
И мама,
и брат,—
И сто назиданий скучнейших
подряд...
Повесть — на совесть —
Читатели спят.

А. ТВЕРСКОЙ

Рисунок Е. ГОРОХОВА.

ПО ПЕЧАТНЫМ СТРАНИЦАМ

Строго доверительно...

Многим читателям понравился снимок, опубликованный Б. Ерофеевым в газете «Магнитогорский рабочий».

Снимок называется «По секрету». Но если вы обещаете, что всё останется между нами, мы берёмся раскрыть содержание беседы этих славных девчушек.

- Тебя как зовут? — спрашивает одна.
- Лида, — отвечает другая. — А тебя?
- Элла. А сколько тебе лет?
- Когда?
- И сейчас и в тот раз...

Это, конечно, секрет, но ведь вы никому больше не расскажете, не так ли? Значит, вам можно сообщить, что симпатичный снимок появился на страницах газеты «Магнитогорский рабочий» дважды. Первый раз — в 1939 году и вторично — через полтора десятилетия.

При первой публикации снимка подпись гласила: «По секрету». Воспитанники детдома № 22 Лида Соколова и Элла Хрусталёва за обедом. Фото И. Евсеева.

А пятнадцать лет спустя подпись была перестроена таким образом: «По секрету». Фотоэтиюд Б. Ерофеева.

...Подойдите поближе, Б. Ерофеев! Нагнитесь! Дайте ваше ушко! Мы хотим строго доверительно сказать вам, что это называется плагиатом.

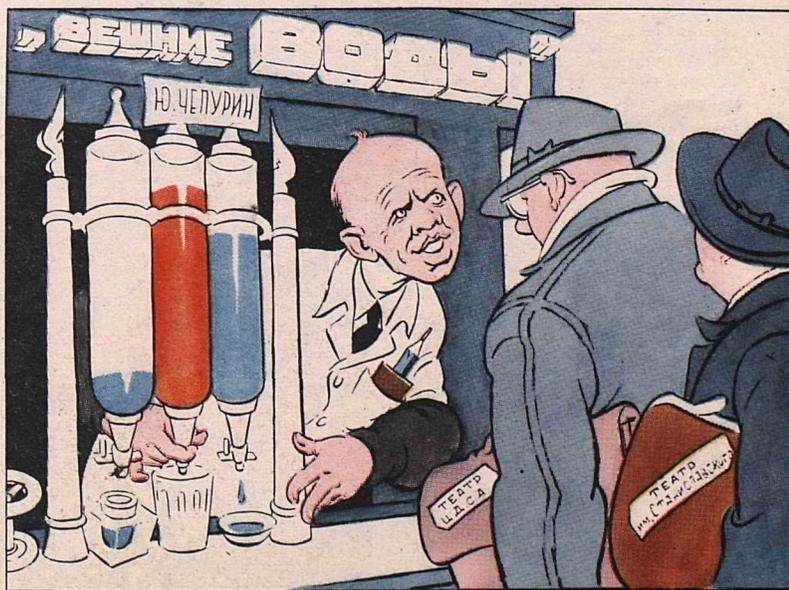
С. ШЕВЕЛЕВ

— Чувствуется в моей новой мелодии весна?
— Да, но только... весна позапрошлого года.

Драматург Ю. Чепурин написал два варианта одной и той же пьесы для разных театров.

Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО.

— Вам с сиропом или без?

Главный редактор — С. А. ШВЕЦОВ.

Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, Д. И. ЗАСЛАВСКИЙ, В. Я. КОНОВАЛОВ, И. В. КОСТЮКОВ, КУКРЫНИКСЫ (М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ), С. Д. НАРИНЬЯНИ, И. А. РЯБОВ, Л. С. СОБОЛЕВ.

Изд-во «Правда». Адрес ред.: Москва, А-137, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-31-37, Д 3-33-47. Приём ежедневно (кроме воскресных дней) с 13 до 17 часов.

Москва. Изд. № 341. Подписано к печати 21/IV 1954 г. Формат бум. 70 × 108³/₈. 1 бум. л.— 2,74 печ. л.

А 00791. Типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24. Заказ № 1308. Тираж 400 000 экз.

40
ГОТОВА К УСЛУГАМ

— Вашу ручку, мадам!

Рисунок Бор. ЕФИМОВА.

Бор. Ефимов - 54